

CHRONICA

Pred osamdeseti rođendan Istvána Nyomárkayja

O sveobuhvatnim znanstvenim i strukovnim dostignućima našeg profesora i akademika Istvána Nyomárkayja već se mnogo i na mnogim mjestima pisalo, između ostaloga i na stranicama ovog časopisa. Dugačak je popis svih područja znanstvenog interesa našeg svečara unutar jezikoslovne slavistike (koji možemo čitati i u prijašnjim prigodnim tekstovima o našem slavljenuku koji su sastavljali prijašnji čestitari), od povijesne leksikologije i leksikografije, gramatikografije, preko dijalektologije, pa do kulturne i jezične kontaktologije – koja je proteklih desetljeća najviše u središtu njegova interesa, s naglaskom na razmjeni kulturne, osobito jezične, građe među susjednim srednjoeuropskim narodima.

Upravo zato smatram da nam ovaj okrugli rođendan pruža neizostavnu priliku da iz bogatog i vrlo raznovrsnog slavističkog /južnoslavističkog-jezikoslovnog opusa našeg slavljenuka istaknemo osobito one dionice koje se vezuju za njegovu hungarologijom protkanu kroatističku djelatnost, a koja se mnogim nitima vezuje za zagrebačke kroatističke, pa i tamošnje hungarološke krugove.

Rođen 16. ožujka 1937., akademik Nyomárkay mađarski jezik i književnost te serbo-kroatistiku studirao je od 1955. do 1961. na budimpeštanskom Sveučilištu *Eötvös Loránd* (poznati „ELTE“). Diplomiravši, ubrzo je krenuo raditi kao gimnazijski profesor, a kako se njegov interes sve više kretao prema istraživačkom radu, uz taj posao godine 1965. na istom sveučilištu stekao je i doktorat iz filoloških znanosti (tzv. „sveučilišni doktorat“ – *bölcsészdoktor*). Za njegovu je kasniju filološku karijeru znakovito da je početkom sedamdesetih godina dvije akademske godine za redom proveo na slavenskom jezičnom području kao lektor za mađarski jezik: prvo na Sveučilištu u Petrogradu (1973–1974), poslije na zagrebačkom Filozofskom fakultetu (1974–1975). Nakon strukovno plodonosnih lektorskih godina počinje u pravom smislu sveučilišna karijera našeg slavljenuka: imajući iza sebe već nekoliko objavljenih znanstvenih radova u vodećim mađarskim lingvističkim časopisima, godine 1975. zaposlio se na svom, danas matičnom, Sveučilištu ELTE kao asistent na Odsjeku za slavensku filologiju. Akademik Nyomárkay na svom je odsjeku g. 1981. izabran za docenta, a 1989. za sveučilišnog profesora. Godine 2007. dodijeljena mu je i titula *Professor Emeritus*, a ubrzo nakon toga, godine 2011., stječe i naziv *doctor honoris causa* na Zapadnomađarskom sveučilištu. Značaj njegova znanstveničkog i nastavničkog rada odražava se i u brojnim gostovanjima i povremenim ciklusima predavanja na inozemnim sveučilištima: pored brojnih gostujućih predavanja i izlaganja u inozemstvu akademik Nyomárkay početkom devedesetih godina dva je semestra radio kao gostujući profesor na Sveučilištu u Münsteru, da bi od 2000. započeo višegodišnji mandat gostujućeg profesora na tada nedavno otvorenom studiju hungarologije zagrebačkog Filozofskog fakulteta gdje je predavao gramatiku i povijest mađarskog jezika.

Dakako, iza tih postaja u nastavničkom radu provlači se dosljedno i precizno građena akademijaska i istraživačka karijera: sveučilišnom doktoratu iz 1965., uz brojne publikacije u međuvremenu, pridružuje se g. 1987. tzv. akademski doktorat koji mu je otvorio put k profesuri na ELTE-u. Disertacija s naslovom *Mađarski uzori hrvatske jezične obnove*

zbog relevantnosti teme ubrzo je objavljena na njemačkom jeziku (*Ungarische Vorbilder der kroatischen Spracherneuerung*, 1989), te je izazvala znatan međunarodni odjek, jer je u njoj autor obradio do tada posve neistraženo područje mađarskih prevedenica u hrvatskom jeziku. Njegov opus bio je zapažen i u Hrvatskoj, pa zbog brojnih doprinosa hrvatskoj jezikoslovnoj filologiji g. 1997. izabran je za dopisnog člana Hrvatske akademije znanosti i umjetnosti. Nisu izostajala ni državna priznanja i odlikovanja, kako matične države, tako i Hrvatske: od tih potonjih svakako treba istaknuti orden *Red Danice hrvatske* (2003), kao i *Plaketu Vatroslava Jagića* (2010) koju mu je dodijelilo Hrvatsko filološko društvo za iznimne zasluge kao inozemnog kroatista hrvatskoj filologiji. Činjenica da je ovu plaketu od mađarskih južnoslavista dobio još samo slavjenikov veliki predšasnik i ugledni mentor László Hadrovics, krije u sebi lijepu simboliku. Naime, osobni profesorski utjecaj dvadesetostoljetnog velikana mađarske slavistike na početak karijere našeg slavjenika bio je presudan, dok se proteklih desetljeća, osobito nakon smrti svog učitelja, upravo sam Nyomárkay (sa svojim najbližim suradnicima) najviše potrudio za promicanje, njegovanje, a djelomice i revaloriziranje cjelokupnog znanstvenog opus akademika Hadrovicsa. Na posljetku, dodajmo, akademik Nyomárkay od početaka svoga angažmana na ELTE-u pridavao je posebnu važnost njegovanju uspomene i na ostale prethodne velikane peštanske slavistike (Asbóth, Melich, Kniezsa, i sl.).

Osim spomenutog rada o mađarskim uzorima hrvatske jezične obnove kroatistički krugovi u Hrvatskoj s posebnim su priznanjem primili njegov podjednako vrlo značajan dijalektološko-leksikografski rad *Sprachhistorisches Wörterbuch des Burgenlandkroatischen* (1996), a trinaest godina poslije u suautorstvu (s Erikom Rác i Đurom Blažekom) objavljen *Rječnik pomurskih Hrvata* (2009) također je ispunio dugu prazninu u leksikografskoj obrađenosti izvanograničnih hrvatskih dijalekata i govora. A kad smo već kod leksikografije, treba spomenuti da je akademik Nyomárkay (opet uz Lászla Hadrovicsa) suautor dvaju manjih mađarsko-hrvatskih suvremenih rječnika, u čemu se ogleda njegov nemalen praktični angažman oko uzajamnog jezičnog približavanja govornika dvaju jezika. Sve do nedavnog izlaska (2013, 2016) velikih dvojezičnih hrvatsko-mađarskog i mađarsko-hrvatskog rječnika, ti su svesci bili jedina modernije koncipirana rječnička izdanja u relaciji naših jezika.

Istraživačka znatiželja i senzibilnost za spoj starog i suvremenog posebno se ocrtaavaju u svečarovu pristupnom predavanju održanom prilikom primanja u redovno članstvo MTA na jesen 2004: predavanje, kao i kasnije izašla studija, nosi naslov *Jezični kontakti u zrcalu riječi (Prošlost i sadašnjost mađarsko-hrvatskih jezičnih kontakata) / Nyelvi kölcsönhatás a szavak tükrében (A magyar–horvát nyelvi kapcsolatok múltja és jelene)*, a u njemu višestoljetne mađarske posuđenice osvjetljavaju se u novom kontekstu i metodološkim okvirima, iz ugla poznavanja u krugu današnjih hrvatskih govornika. Ne slučajno, zamisao o toj temi nastala je za vrijeme njegovih drugih zagrebačkih profesorskih godina početkom dvijetisućitih, a i prikupljanje i obrada građe vezuju se za ovo razdoblje.

Brojne su njegove rasprave o prošlosti mađarsko-hrvatskog jezičnog posuđivanja, no pored toga Nyomárkay svoju kontaktološku vizuru ne sužava samo izolirano na mađarski i južnoslavenske jezike, nego se gotovo svugdje naziru širi srednjoeuropski obrisi njegova razmišljanja – budući da se u sve te tokove uključuje i njemački, a često i drugi slavenski jezici, osobito oni s područja Monarhije. Uvjerljivi su otisak ove srednjoeuropske orijentacije u Nyomárkayjevu dodirningvističkom opusu dva sveska s početka dvijetisućitih: *Anyanyelvi ébredés nálunk és szomszédainkál* [Buđenje i tradicija kulta materinjskog jezika u nas i naših susjeda] (2002), te *Nyelveink múltja és jelene* [Prošlost i sadašnjost naših jezika] (2004). U tim djelima autor istražuje i podastire nam gustu mrežu raznih međudjelo-

vanja i kontaktnih utjecaja njemačkoga, mađarskoga i južnoslavenskih jezika (hrvatskoga, srpskoga i slovenskoga), a iza opisa i analize donekle sličnih procesa stvaranja nacionalnih jezičnih standarda u podunavskoj regiji nije teško prepoznati Nyomárkayjevo snažno uvjerenje u postojanje mnogima nama zajedničke srednjoeuropske duhovnosti. Tu „mittel-europejsku“ duhovnost u mađarskoj slavistici predstavlja i on sam kao osoba – koja kroz svoj zavidan profesionalni polet čiji je dio uvijek i velika spremnost za pomaganje mladima; kroz precizan svakodnevni rad u struci, kao i kroz svoje znanstveno-istraživačke i znanstveno-organizatorske poslove – kao da prkosi godinama. U to ime želimo našem slavjeniku profesoru Istvánu Nyomárkayju u povodu njegova 80. rođendana još mnogo godina mirnog i zadovoljnog bavljenja znanostima!

Orsolya Žagar Szentesi

К 70-летию Иштвана Надя

Любите мир – *во мне*, не *меня* – в мире.
(Марина Цветаева)

Мир во мне, который я охотно принимаю, во многом обусловлен дружбой между Иштваном Надем и составителем данной лаудации. Поэтому у автора этих строк нет никакой возможности быть «объективным». В данном измерении Иштван – согласно его словам – «лирический герой» моих записок. Имеется в виду статус человека, который участвует в истории созидания жизненного мира, следуя двум принципам наличного бытия – этосу сопричастности и верности сотрудничеству в делах литературы. Года два назад он дал интервью, и по поводу основ нашего содействия в науке, высказался о назначении человека гуманитарной мысли. При этом были процитированы слова Михаила Бахтина: «То, что мною может быть совершено, никем и никогда совершено быть не может» (Бахтин 2003: 39).

Перед нами сформулирована этическая позиция «лирического героя» жизни и трудов Иштвана Надя. Подлежащее осмыслению лицо – весьма незаурядный феномен; лицо, освоенное актантом на опыте литературной презентации своей деятельности; и прежде всего – «героя» в понимании Мариной Цветаевой. В преданности творчеству и личности поэтессы исследователь ее наследия открыл для себя возможность духовной идентичности. Я имею в виду личность, становление которой продемонстрировано историей творчества исследователя, прежде всего в документах, свидетельствующих о результатах применения главного принципа интерпретации ученого-русиста, а именно – «прочтения прочитанного». Через посредство этих актов Он и Она оказываются в моих глазах – то есть в моем прочтении, прочитанного ими – повторяю, Она и Он оказываются залогом консубстанциональности участников этой встречи как зародыша мира, о котором я начал говорить выше. А теперь рискну присоединиться...

Однако необходимо оговориться. Для того, чтобы дать иллюстрацию проблемы, мне придется вспомнить некоторые стихотворения Пушкина, оригинально прочитанные Цветаевой и прокомментированные Иштваном Надем.

«Лирический герой» – термин, разработанный, как известно, в трудах о теории стихотворного языка Юрия Тынянова. Концепт в разборах нашего друга восполняется в регистре «ожидания ответа» и созидания слова, в основании которых лежит принцип «герменевтической филологии».

Постараюсь изложить свое понимание его трактовок; хочется включить мое прочтение в диалог Иштвана с интерпретациями Цветаевой. Мой тезис: «лирический герой» – это как раз *негерой*. Скорее акт-центр дискурсивной идентичности, которая способствует преодолению эгологического статуса «геройства». Оно происходит в событии высказывания, в рамках которого субъект поэтического произведения присваивает себе язык стихотворного дискурса. В том смысле, в каком это демонстрируется, например, Пушкиным в стихотворении «Эхо». «Негероем» здесь является *Ты* как центр словесного творчества, субъект «ответа», лишенный какого-либо ни было образа, осязаемой фигуры. «Ты» является темой письменного акта, субъект которого обращается своим стихотворным высказыванием к читателю, без установки на средства лирического самовыражения. Речь идет об актанте языкового присутствия в диалоге с читателем; говорится о субъекте поэтического дискурса в момент свершения – артикуляции и презентации своего голоса в языковом произведении. Этот голос презентуется ритмом, а не образом «я». А ритм воплощается, в том числе, при помощи рифмовой презентации голоса: «ответ» находит себе отклик не в отзвуках природы, не в кататонии Эхо (как античной метафоры поэзии), а в рифмующей единице стихотворного слова: «ответ» = «поэт». (Сама Эхо в мифологическом восприятии не что иное, как архетип рифмы: в мифологическом восприятии она может лишь повторять окончания услышанных ею слов.) Таким образом, параллель с природой – т. е. мифологический образ творческого акта – у Пушкина аннулируется; презентуется стихом тождество поэта с субъектом слова – слова в действии. Только это, самобытное слово делает субъекта способным ответить даже в ситуации полного кризиса диалога.

И шлешь ответ;
Тебе ж нет отзыва... Таков
И ты, поэт!

Стихотворение раскрывает дефицит непосредственной или образной данности мира – мира в репрезентациях понятий и представлений наблюдателя. Получается «стихия» без стиха: неосмысленный мир, где – по словам «Ты» – царит «шум и звон», «хула и хвала». А значит, выявлен дефицит речевого и языкового присутствия, а именно, нехватка артикулированной сопричастности жизненному миру. Данный аспект предмета передается следующими сигналами: «рев», «гром», «грохот», «крик», «всякий звук», «песня девы». Таким образом поэт демонстрирует «в воздухе пустом» «ответ» поэтического языка в адрес хаосу, который порождается отсутствием языковой презентации своей сущности.

Своеобразие этой новой – не мифологической, не психологической и не фигуративной – идентичности заключается в том, что актант своим словом возбуждает языковую антиципацию в момент своего присутствия в языке (и при участном действии языком) – как субъект созидания стихотворного дискурса в его обращенности к читателю. Ведь именно непозет-читатель страдает нехваткой самоценного слова, которое могло бы освоить в качестве ответа, в качестве средства самопонимания через посредство высказывания Пушкина.

Методологическая установка анализов Иштвана Надя направлена на интерпретацию интенции, воплощающейся в демонстрации разных форм «ожидания ответа». Исследователь находит философское обоснование своей интеллектуальной деятельности в современной герменевтике в ее взаимодействии с философией диалога. Его вдохновляют работы Михаила Бахтина, Мартина Бубера, Ханс-Георга Гадамера. Но

само собой разумеется – более всего русская литература XIX–XX вв. И несомненно, в аспекте «диалога текстов» писателей этих двух столетий.

Цветаева несомненно одна из самых чутких, одаренных и оригинальных авторов не только в области поэтического творчества, но также и в качестве читателя; продукция поэтессы ближе к сотворчеству, чем к рецепции. Она оставила нам блестящие интерпретации текстов русской классической литературы, а также и современных ей авторов при явной установке на инновации языка искусства, в том числе, и художественной прозы. Ключ к сердцевине этого феномена Иштван Надь нашел в проблематике *встречи*, того хронотопа, в котором интенсивнее всего проявляется тоска по слову, «ожидание ответа». Она тематизируется как в плане диалога Цветаевой с другими писателями, так и в плане внутреннего диалога поэтессы в напряженном взаимодействии жизненного поступка и языкового творчества, определяющих самобытие этой личности.

Особенно важно то, что феномен встречи Иштван Надь рассматривает не формально, как это часто случается на базе теоретических моделей коммуникации. Он при рассмотрении текста учитывает своеобразие и придаток инноваций смыслового потенциала, порожденного поэтическим языком. Дело в том, что господствующие в бытовой речи и канонических произведениях риторика «хвалы» и «хулы» лишают язык творческой энергии; лишают тем самым говорящего человека возможности быть подлинным участником встречи как экзистенциальной ситуации, способствующей углублению самопонимания и понимания мира. Поэтический дискурс тормозит, старается воспрепятствовать воздействию штампов и автоматизмов когнитивной компетенции нашего сознания и механической (несемантической) памяти.

Следует напомнить, что когда встреча затруднена; когда господствует глухая пустота безответности, именно тогда и приходит на помощь поэзия: субъект ответа в мире «Эхо» находится в положении ожидания слова – однако ощущает лишь отсутствие и вопроса, и ответа. Иштван Надь точно указал на взаимодействие «встречи» и «ответа» как фундаментальной проблемы понимания, в частности, в аспекте соотношения языковой компетенции и поэтического языка, мощного инспиратора экзистенциального понимания жизненного мира, который презентуется не иначе, как неиндифферентным присутствием актанта в жизни. Сама Цветаева наводит исследователя на догадку отличия, проявляющегося между бытовым или философским типом трактовки понимания, с одной стороны, а с другой – между пониманием через посредство поэтического дискурса. Такой подход предполагает взаимодействие поэтики и практики понимания, который Надь как теоретик назвал «герменевтическим приключением».

Необходимо, однако, напомнить, что встреча – согласно поэтической практике освоения опыта – должна быть *событием*. Развитие мысли Надя на большой дистанции свидетельствует о сдвиге от «основного слова Я–Ты» и «основного слова Я–Оно» (формулы Мартина Бубера), а значит, от *системы отношений к событию*, охватывающей как происшествие внутри субъекта, так и между актантами в их различной установке относительно предмета речи. Причем, как в плане истории акта, так и в плане истории предмета дискурса. Об этом свидетельствует новое обозначение данного явления интерперсонального статуса «персонального смысла» – «событие бытия». Ведь оно безусловно свершается – как это показал автор трактата «К философии поступка» – в колее *сопричастности*. Но следует подчеркнуть: именно событие, воплощающееся в истории акта, а не в системе отношений. В «Повести о Сонечке», при помощи рассказов девушки, персональное повествование развертывает

историю освоения текста романа Достоевского в качестве инспирации записок Марины. Побуждение воплощается в «новых» словах персонального и сингулярного дискурса Сонечки, направленных на постижение сущности эроса. Она, интерпретируя текст романа с точки зрения своего жизненного мира, на самом деле презентует необычное событие – а именно то, которое обнаруживается в интервале между любовью-эросом и словом *любовь*. Разумеется, между актом и знаком, бытием-в-любви и проявления его значимости для жизни человека с человеком. Она пытается обрести достоверный язык, адекватный *дискурсу смысла существования любви* в человеческой жизни – смысла онтологического статуса феномена безусловной сопричастности.

Но эти интерпретации, изложенные в диалогах и переписке с Мариной автором письменного текста, являются попыткой осмысления как раз своих «странных» поступков, мотивированных расширением – собственно инновациями – семантического потенциала текста «Белых ночей». Речь идет опять же о понимании сюжета, согласно которому встречу опережает прощание. Судьба Настеньки предрешена: прежде чем она могла бы испытать любовь, прощание с ней уже свершается. Предмет любви изначально потерян и для нее и для Мечтателя. Разлука уже безвозвратно конкретизируется; давно до «минуты» наступления белых ночей – прежде чем мечтатели впервые встретились. Соответствующий, удвоенный и асимметрический сюжетный конструкт Цветаева называет «доисторией Сонечки», ведь «Сонечка начинается» каждый раз снова и каждый раз лишь в финале приключения, в момент всегда «последней» встречи. Она в рассказах девушки – носителя не образа, а принципа любви – пресуществляется в начало. А именно, в начало в смысле возвращения к процессу непрерывных прочтений романа Достоевского. Однако встреча в кризисной ситуации – в момент разлуки – демонстрирует историю преобразования *мечты о любви* в конкретное свершение сопричастности как основания *тоски о любви* «на всю жизнь». Эта «чудесная тоска», метафорой которой и будут выбраны в акте писания «белые ночи». Следовательно, «удивительная тоска» мечтателя на уровне дискурса преобразуется в тоску по выражению тоски, в тоску по слову. Этому «новому слову» соответствуют личные записки, в плане текста которых выстраивается история прозрения – самопонимание через посредство своего собственного текста, через опыт языковой деятельности.

Автор статьи «„Достоевский мне в жизни как-то не понадобился...“ (Достоевский в творческом сознании Марины Цветаевой)» (Надь 2007) воспринимает текст «Белых ночей» инспирацией самоосмысления через посредство освоения Сонечкой дискурсивной практики повествования о любви, продемонстрированной в романе Достоевского. Базируется сюжет прозрения на родственности основной ситуации двух произведений в центре с проблемой, обнаруживающейся в парадоксальной природе «встречи» – встречи «не на жизнь, а на смерть». При этом автор статьи рассматривает это радикальное событие в качестве решения экзистенциального вопроса, открывая вид на онтологичность мышления Цветаевой в прозе. Вот почему повесть оценивается как незаурядный документ персональной «философии любви».

Исследователь напоминает нам о том, что Мартин Бубер тоже придает большое значение мотиву встречи. Но в отличие от позиции Цветаевой философ суживает ее к соотношению Я–Ты, в рамках «между двоих». Картину Надь восполняет со стороны достижений русской философской мысли, в свете заочного диалога Цветаевой с Бахтиным. Речь идет о том, основополагающем тезисе философии понимания, «согласно которому *эстетика должна входить в герменевтику*. Сопоставительное

прочтение Бахтина и Цветаевой в то же время показывает, что их *метамировоззрение* пускает свои корни в русскую персоналистскую традицию» (Надь 2016).

Совершенно верно: Цветаева в поэзии находит проявление сущности экзистенциального присутствия человека, которое в принципе исключает отношение «Я–Оно». Свидетельство тому, в том числе, трактовка элегии «К морю» в эссе «Мой Пушкин». Стихотворение показательное как раз потому, что демонстрирует событие прощания-разлуки весьма оригинально – и на этот раз в плане катарсиса, порожденного кризисом идентичности «лирического я».

Попытаюсь присоединиться к диалогу. В тематическом плане любовь Пушкина к морю в изложении прощания на уровне стихотворного текста развертывает новую тему, а именно: тему «любви моря» к Пушкину. «Потому что, когда любишь, всегда прощаешься. Только и любишь, когда прощаешься» (ЦВЕТАЕВА 1989: 49). Порвав с предметом любви, субъект текста обретает язык эпифании любви, то есть, любовь без конца и по ту сторону эротической и эстетической трактовки проблемы. А значит, в сфере бытия события как проявление силы безусловной сопричастности в самой конкретной и сингулярной реальности. Только и любишь эту жизнь, когда прощаешься с самодовлеющим эросом и с самодовлеющей сексуальностью. С положением, в котором – как Цветаева выражается – «меня любят». А живой – экзистенциально значимой – жизнь становится только лишь тогда, когда раскрывается перед субъектом единственная возможность свершения, а именно: «сама хочу любить» – *con amore*; независимо от желания, пользы или красоты.

«Ничего зрительного и предметного в моем „К морю“ не было...». Для нее ни Байрон, ни Наполеон, ни даже море совсем не интересны: «главное, – звуки слов, и – самое главное – тоска: пушкинского призвания и прощания» (ЦВЕТАЕВА 1989: 52).

Вот почему дело обстоит так, что – «С героем долго ты беседовал один» («Гнедичу») – очень долго, всю жизнь. Ибо существование с точки зрения поэзии становится «живой жизнью» под воздействием напряженного состояния тоски, в «ожидании слова».

Вся русская литература, прочитанная Цветаевой – согласно позиции И. Нады – под залогом «любви *мира* – во мне, а не *меня* – в мире», проявляет эту специфику. Напомню, что начиная с Гоголя и Достоевского тайна «лирического я», а точнее, субъекта поэтического самобытия заключается в том, чтобы преодолеть идеалистический концепт героизма, так как в действительности *Ego* «всю жизнь самосочиняется» (Достоевский) – либо как слишком значительный, либо как уж чрезвычайно незначительный «герой» повествования. Они сконструированы эстетиками романтизма – эти представления о «высокой» и «пошлой» действительности. Как стихотворение, так и проза в русской литературе – в известном уже разрезе «прочтения прочитанного» – заняты созиданием ответа, еще не высказанного «нового слова». В понимании Нады, здесь речь об ответе, опережающем вопрос.

Эту проблему исследователь обсуждает по поводу позиции Хайдеггера относительно интерпретации «самобытного слова», которое он трактовал в качестве презентации языка как такового, в отличие от речи как средства общения, выражения или изображения. Наш юбиляр пишет: «Тот, кого интересует языковость литературного явления, т. е. „ощущает язык как язык“ (Хайдеггер), отдает себе отчет в том, что в поэтическом языке к нам обращается именно язык» (Надь 2005а: 178–179).

Цитируя слова Поля Рикера, Надя собственно декларирует исповедь о персонализме своей творческой практики: «у всех нас есть связь с такими текстами, которые *строят* нас, а не только с теми, которые мы *разбираем*» (RICOEUR 1989: 477).

В «персональной причастности» Михаила Бахтина он находит модальность субъекта слова, высказывания, текста, поэтического произведения, в том числе и «лирического героя», который для него, насколько я понимаю, вовсе не герой в традиционном смысле, но как раз антигерой. В более точной формулировке – субъект слова, преодолевающий свой «образ», свое представление об идентичности. Об этом свидетельствует интерпретация понимания Цветаевой элегии «К морю».

Для меня очевидно: последняя встреча свершается как акт прощания субъекта с литературными – канонизированными – образами стихийной свободы. А именно, штампами «вольности» романтиков, порожденных представлениями об идентичности в образе сверхчеловека – «властителя» и «гения». «Гений» исторической деятельности, Наполеон и «гений» поэтического творчества, Байрон – пожалуй «умчались» оба, оказались жертвами стихии, которую идеализировали в мире своих поступков. На самом деле Пушкин здесь прощается с эстетической антропологией теоретиков «возвышенного». Его герой – скажем тот же Наполеон – поэтическую идентификацию находит на касательной жизни и смерти, когда он «руку жмет» чуме, быть может, самому страшному актанту «невысокой» обыденности. В плане идеализации имя «Наполеон» лишается конкретного референта, именуемой личности. Возникший таким путем пучок репрезентаций – «Осмеян прозвищем героя». А вот осмысленное поэтическим текстом лицо – субъект участного поступка, который в акте встречи со смертью пресуществляется в личность, свидетельствующую о природе персонального присутствия. Поэт, манифестируя воплощение истины в поэтическом слове, творит ответ по поводу слова антигероя, усомнившегося в истине. Не менее показательно решение отзыва в трагедии «Пир во время чумы»: воспроизведя своим стихом гимн поющего Вальсингама, поэт присваивает смертному «певцу» мужества особую ценность – «Бессмертья, быть может, залог!».

А что скрывается в ответе? Знак неиндифферентного присутствия в ситуации встречи. Там всегда назревает самобытное слово: «Что есть истина?» Стихотворение и трагедия говорят о том же: идентичность личности формируется в становлении, в поступочной причастности бытию через посредство безусловной сопричастности другому. Оно происходит нередко в кризисной ситуации: «и бездны мрачной на краю». Именно в этой ситуации хулы рождается новое слово: гимн. Там, где происходит последняя встреча в рамках первой, только там рождается истина – в положении радикальной встречи с самим собой и прощания с «самосочинениями» нашего *Ego*.

Следует подчеркнуть значение статьи Иштвана Нады в свете данной проблемы. Она опубликована под заглавием «Одержимость словом и власть над ним (О языковом аспекте концепта „стихия“ у Цветаевой)» (Надь 2005b). Стихия рассматривается в качестве метафоры стихов, в связи с чем становится очевидным первичность ритма и интонации в поэтическом языкотворчестве, особенно доминирующих в поэтике и метапоэтике поэтессы, не исключая из этого ряда прозаические произведения.

Читая книгу Иштвана Нады о взглядах Цветаевой о Пушкине, можем убедиться в философских масштабах смыслового потенциала эссе «Мой Пушкин» (Nagy 2006), труда исследователя, который содержит самый полный комментарий данной темы в русистике. Успех этой важной книги заключается прежде всего в том, что она написана именно на базе исторического горизонта «прочтения прочитанного». Этот горизонт охватывает XIX и XX вв. под знаком интеграции дискурсов и метадискурсов XIX в. в плане персональных поэтик и метапоэтик писателей, теоретиков и мыслителей XX века. Цветаева читает Пушкина, Достоевского, Белого; Гершензон – Пушкина; Белый – Гоголя и т. д.

Разбирая «Повесть о Сонечке», наш юбиляр раскрывает построение в ключе – «от противного» (NAGY 2007). Поэтесса может заявить: «Достоевский мне в жизни как-то не понадобился...». И совершенно точно – именно в эмпирической жизни. Однако в плане освоения практики искусства прозы, и далее, в экзистенциальном понимании любви-тоски как ожидания-становления «нового слова», она не может и явно не хочет обойти Достоевского. Наоборот – декларативно свидетельствует о своем весьма незаурядном, участном прочтении романа «Белые ночи». А также об основном принципе полифонического романа – незавершенности и незавершенности. В полифонию голосов активно включаются – через посредство своего «нового слова» – и героиня высказываний и автор письменного текста, а также читатель. Для венгерского исследователя важен именно этот аспект поэтики Цветаевой: «Мне хочется, чтобы Рильке говорил – через меня».

Творческий путь Иштвана Нады тесно связан с Будапештским университетом им. Лоранда Этвеша, выпускником которого он был, а затем в последние 45 лет и преподавателем Кафедры русского языка и литературы (ныне Института славянской и балтийской филологии). В должности доцента университета Иштван Надь читал лекции, вел семинарские занятия по литературе первой половины XX века, с особым исследовательским вниманием к символизму и творчеству Марины Цветаевой. Наш юбиляр по сей день принимает участие в работе докторской школы «Русская литература и литературоведение».

В Коллегиуме им. Йожефа Этвеша (директором которого одно время он был) Надь стоял во главе «Славянского семинара». В рамках этого форума он оказался умелым организатором научных конференций, целого ряда симпозиумов, посвященных русским классикам. Благодаря систематическим встречам в рамках семинара открылась возможность продуктивного сотрудничества ученых разных университетов – русистов, специалистов по поэтике и нарратологии.

Можно сказать, что будапештское направление научной мысли, разрабатываемой параллельно в докторской школе университета, теоретическая поэтика имеет существенную рецепцию и применение как в среде исследователей венгерской, так и мировой литературы. Она лежит в основе диалога с русистами Бергамо, Варшавы, Гамбурга, Люблины, Москвы, Мюнхена, Санкт-Петербурга, Салерно, Триеста, чему способствовали наши пушкинологические конференции и другие научные предприятия, в которых участвовали такие крупные филологи, как Иван Верч, Мирослав Дрозда, Жан-Филипп Жаккар, Людмила Зубова, Юрий Лотман, Зара Минц, Юрий Манн, Владимир Маркович, Игорь Смирнов, Борис Успенский, Ежи Фарино, Вольф Шмид и др. Иштван – хозяин «дома» поэтики на улице Менеши – был преданным и гостеприимным хозяином.

Я считаю даром судьбы, что на протяжении полувека у меня была возможность сотрудничать с Иштваном в этом важном для венгерской науки духовном форуме, где также воспитывались талантливые представители молодого поколения венгерской интеллигенции. Многие из них сегодня являются ведущими представителями гуманитарной мысли и за пределами русистики.

Вот, дорогой друг, кажется очередная наша встреча состоялась. Как ни странно – без разлуки. Все остальное впереди, все произойдет и в дальнейшем под знаком «ожидания ответа». А в акте ожидания автор этих строк присоединяется к миру, в котором на этот раз должен господствовать пир во время юбилея Иштвана Нады!

Арнод Ковач

Литература

- БАХТИН 2003 = БАХТИН М. К философии поступка. В кн.: БАХТИН М. *Собрание сочинений*. Т. 1. Москва: «Искусство», «Языки славянской культуры», 2003. 7–68.
- НАДЬ 2005a = НАДЬ И. Герменевтика Марины Цветаевой. В кн.: *Russica Hungarica. Исследования по русской литературе и культуре*. Русистика в Будапештском университете имени Лоранда Этвеша. Будапешт–Москва, 2005. 168–187.
- НАДЬ 2005b = НАДЬ И. Одержимость словом и власть над ним. О языковом аспекте концепта «стихия» у Цветаевой. В кн.: БЕЛЯКОВА И. Ю. (ред.) *Стихия и разум в жизни и творчестве Марины Цветаевой*. Москва: «Дом-музей Марины Цветаевой», 2005. 365–374.
- НАДЬ 2007 = НАДЬ И. «Достоевский мне в жизни как-то не понадобился...» Достоевский в творческом сознании Марины Цветаевой. В кн.: KROÓ Katalin, S. HORVÁTH Géza (ed.) *F. M. Dostoevsky in the context of Cultural Dialogues / Ф. М. Достоевский в контексте диалогического взаимодействия культур*. Budapest: Tankönyvkiadó, 2007. 353–360.
- НАДЬ 2016 = НАДЬ И. Бахтин и Цветаева. Философский и литературный тексты. *Narratorium. Междисциплинарный журнал* 2016/1. <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2635305>.
- ЦВЕТАЕВА 1989 = ЦВЕТАЕВА М. Мой Пушкин. В кн.: ЦВЕТАЕВА М. *Проза*. Москва: «Современник», 1998. 17–57.
- СВЕТАЈЕВА 2008 = СВЕТАЈЕВА М. *A művészet a lelkiismeret fényénél. Esszék*. Az esszéket válogatta, a kötetet szerkesztette: Bártfay Réka és Nagy István. Budapest: Tinta, 2008.
- NAGY 2006 = NAGY István: *A szabadító költő. Marina Cvetajeva Puskin-olvasata*. Budapest: Argumentum, 2006.
- NAGY 2007 = NAGY István: Élettörténet, nyelviség, megértés (Marina Cvetajeva: Elbeszélés Szonyecskáról). In: KOVÁCS Árpád (szerk.): *A regény és a trópusok*. Budapest: Argumentum, 2007. 49–60.
- RICÉUR 1989 = RICÉUR P. Pillantás az írásaktusra. *Helikon* 35 (1989): 472–477.